

ОТЗЫВ

**о диссертации Джафарли Вугар Фуад оглы
«Формирование и развитие системы криминологической безопасности
в сфере информационно-коммуникационных технологий»,
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)
(М.: Всеросс. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2022. 525 с.)**

REVIEW

**of the dissertation by Djafarly Vugar Fuad-ogly "Formation and Development
of Criminological Safety System in Information Technology"
for the degree of Doctor of Law, specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences)
(Moscow, All-Russian State University of Justice, 2022. 525 p.)**

В течение 50 лет (что для Истории является весьма кратким сроком) в мире произошла настоящая революция в сфере информационно-коммуникационных технологий. Как и всякая революция (а ее течение продолжается поныне) она, наряду с прогрессивными последствиями, принесла массу негативных, в том числе противоправных. Вкусивших ее плоды сотен миллионов людей ждала серьезная умственная деградация в виде неспособности самостоятельного анализа происходящих вокруг событий и подлинного зомбирования, что хорошо видно на фоне происходящего на Украине, да и на всём европейском континенте (имеется в виду русофобская истерия в западных странах).

Напротив, наиболее изворотливая, хитроумная и лишенная нравственных сдержек часть населения пользуется широчайшими возможностями компьютерных технологий для бессовестного опустошения кошельков (прежде всего электронных) доверчивых граждан, подрыва государственных и нравственно-духовных уставов российской державы. Эти процессы закономерно стали предметом пристального изучения ряда естественных и общественно-политических наук, включая криминологию и уголовное право.

Однако автору настоящей диссертации удалось обеспечить должную научную новизну как за счет творческого переосмысления уже полученного теоретического и эмпирического материала, так и выработки собственных оригинальных умозаключений и рекомендаций. Им создан весьма объемный научный труд, содержащий немало ценных с точки зрения методологии научного поиска, а также реализуемых в практике нормотворчества и правоприменения, идей.

Соискателем успешно решены большинство сформулированных им задач, прежде всего таких, как формирование терминологической основы теории уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности; изучение закономерностей, тенденций и состояния преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий, механизмов ее детерминации и личностных характеристик преступников; выявление виктимологических свойств потерпевших от преступлений в указанной сфере; криминологическая оценка современных междисциплинарных связей и ресурсов в обеспечении криминологической кибербезопасности; разработка предложений по дальнейшему совершенствованию таковой.

Привлекает то обстоятельство, что в качестве философско-мировоззренческой основы своего исследования автор избрал такие идеалы, как «социальная справедливость, ответственность перед обществом, обязанность отвечать за содеянное, неотвратимость наказания, равенство, а также необходимость сознательного выбора между реальным и

скрытым мирами, утрата идентичности, "Я-концепция", феномен "иномирие" и пр.» (с. 14).

Исследование базируется на обширной нормативной и эмпирической базах. Последняя, наряду с прочим, включает статданные и информационно-аналитические материалы Верховного Суда и МВД России за 1997–2022 гг., результаты изучения экспертно-аналитических отчетов российских и зарубежных компаний, деятельность которых связана с обеспечением функционирования и защиты объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры (Лаборатория Касперского, Hewlett Packard, Positive Technologies и др.), а также результаты проведенных лично диссертантом экспертных вопросов свыше 100 специалистов, среди которых 17 судей федеральных судов, рассматривавших уголовные дела о преступлениях, совершаемых в информационно-коммуникационной сети Интернет и 23 руководящих сотрудников подразделений негосударственных структур кибербезопасности (с. 18, 19 и далее по тексту).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования, о которой сказано выше, более конкретно выразилась в создании оригинальной научно-практической концепции криминологической безопасности, которая, в числе прочего, объединила обоснование формирования и развития т. н. «цифрового щита» и предпосылок создания самостоятельного научного направления — криминологии кибербезопасности. В рамках концепции обоснован процесс цифровизации уголовного закона.

Научная новизна рельефно проявляется в основных положениях, выносимых на защиту, большинство из которых убедительно аргументированы и потому заслуживают поддержки или, по крайней мере, детального научного анализа и являются поводом для плодотворной научной дискуссии.

Прежде всего это касается:

– положения 3 об антикриминальном «правоохранительном использовании кибертехнологий в обнаружении, фиксации, раскрытии и расследовании преступлений, отправлении правосудия, контроле и мониторинге поведения лиц – девиантов, и в целом, в предупреждении традиционной и киберпреступности» (с. 22);

– положения 7 в части специального анализа фундаментальных просчетов, допущенных государством в рамках уголовной политики, выразившихся в «неверной оценке правоприменителями перспектив преступности будущего», ведущей к тому, что «далекое от государственных правовых гарантий обеспечение безопасности от многих киберпреступлений постепенно переходит в компетенцию негосударственных структур..., что выступает самостоятельным криминогенным источником развития инновационной преступности» (с. 25);

– положения 13 в части указания на необходимость пересмотра образовательных стандартов, ориентирующих «коллективы, прежде всего высших учебных заведений, главным образом, экономического и юридического направлений» на уровень подготовки своих выпускников, который не отвечает «современным информационно-технологическим потребностям в высококвалифицированных специалистах, способных обеспечить безопасность в киберпространстве» (с. 29).

Из сказанного выше вытекает весьма высокая теоретическая и практическая значимость полученных диссертантом результатов.

В подтверждения этой констатации укажем на ряд конкретных достоинств анализируемого исследования.

Автор метко и методологически верно определяет (вслед за писателем У. Гибсоном) киберпространство как «всеобщую галлюцинацию» (с. 105), а в таком состоянии, как хорошо известно из судебной психиатрии, люди причиняют вред как самим себе, так и другим, причем глобальные информационные сети позволяют делать это в отношении неопределенного круга лиц и на любом расстоянии.

Далее он справедливо указывает на необычайную распространенность травли (т.н. «буллинга») среди российских подростков: «по данным ЮНЕСКО, в России примерно 27% школьников становятся жертвами травли. У Всемирной организации здраво-

охранения похожие цифры: среди 11-летних детей 23% девочек и 27% мальчиков признались, что подвергались унижениям со стороны сверстников» (с. 154). С возрастом эта травля приобретает ярко выраженный уголовно-противоправный характер, как со стороны несовершеннолетних, так и взрослых (прежде всего педагогов и школьных администраторов, хорошо знающих об этих фактах, но покрывающих все более наглежащих истязателей). В качестве же ответной реакции неизбежны факты массового расстрела школьников и педагогов со стороны учащихся и выпускников учебных заведений.

Уголовная же статистика (скажем, новейшая – за январь–декабрь 2022 г.) игнорирует эти злокачественные процессы и по-прежнему констатирует неуклонное и резкое *снижение* преступности несовершеннолетних (сразу на (9,7% по числу выявленных преступников). Такая политика чревата «неожиданными» всплесками общественно опасной активности подростков и молодежи, которым зачастую предшествует целенаправленная организация этих бунтов через социальные сети.

Автор справедливо указывает также на недопустимо высокий уровень латентности преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (с. 160, 161, 172, 216). О недостоверности статданных убедительно свидетельствуют просто ошеломляющие сведения о количестве кибератак на российских интернет-пользователей – еще в 2010 году их было зафиксировано 80 053 584 случая (с. 168). Таким образом, уголовно-процессуальной оценке удаётся лишь микроскопическая доля совершаемых в интернет-пространстве общественно опасных деяний.

Пристального внимания со стороны властных структур заслуживает предложение диссертанта о создании в отношении *каждого* лица, склонного к устойчивому антиобщественному поведению, цифровой диагностической карты (ЦДК) с четким указанием ресурсов ее наполнения (с. 262, 263).

Соискатель убедительно возражает против укоренившейся в законотворческой практике т.н. «клонирования» ряда составов преступлений, прежде всего часто применяемых в следственной и судебной деятельности (с. 363, 364). Такое тиражирование сходных норм отнюдь не способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности, а также порождает бесконечные, порой схоластические, споры среди теоретиков-доктринеров, чьи рекомендации до практиков зачастую попросту не доходят, либо игнорируются ими.

Диссертация обладает и иными достоинствами, которые, смеем надеяться, будут отмечены другими оппонентами и рецензентами.

Ее положения и содержащиеся в них выводы и рекомендации в достаточной мере апробированы на представительных научно-практических конференциях, в многочисленных и объемных публикациях (с. 46–49 автореферата) и уже внедрены в научно-педагогический процесс (с. 31, 32).

Диссертация и ее автореферат написаны хорошим (хотя, порой, и несколько нарочито усложненным) литературным языком и аккуратно оформлены. Последний дает адекватное представление о содержании, выводах и рекомендациях основного труда.

Вместе с тем, настоящая работа не свободна от некоторых недостаточно обоснованных, спорных положений и иных несовершенств. Укажем на основные из них.

1. В положении, вынесенном на защиту в самом начале (и это отнюдь не случайно), соискатель требует «изменения общесоциальной парадигмы предупреждения преступлений, в рамках которой традиционно позитивная общепредупредительная правовая и морально-этическая направленность деятельности государства и институтов гражданского общества должны быть сориентированы на создание в обществе *ментальности нового порядка*, в котором каждый дееспособный индивид будет стремиться к правоопослушному поведению, сознавая, что любой его социально вредный, а тем более общественно опасный, противоправный поступок неотвратимо фиксируется и юридически оценивается инновационными информационно-технологическими средствами монито-

ринга и контроля» (с. 21).

Даже если попытаться абстрагироваться от морально-этической стороны этого поистине революционного переустройства российской жизнедеятельности и создания всеобщего и полного полицейского контроля за гражданами в духе известного романа Дж. Оруэлла «1984», то возникает закономерный вопрос, осуществима ли такая тотальная слежка технически, а самое главное кто и по каким основаниям будет *программировать* соответствующие приборы наблюдения и контроля, а главное, кто будет выносить окончательное решение о судьбе правонарушителя. Уповать при этом на некие «электронные весы правосудия» (по идее проф. Х. Аликперова, которую разделяет диссертант) по меньшей мере наивно. Правящие классы (их ныне стыдливо именуют «элитой») никогда не упустят из своих рук карающий меч правосудия, как бы это не микшировалось рассуждениями о беспристрастности судебной власти, ибо, как показывает дальняя и ближняя история России и зарубежных стран, для них это «смерти подобно», причем в буквальном, а не переносном смысле.

2. В столь объемном труде его автор ни словом не обмолвился о специальной военной операции, которая к моменту завершения исследования уже развернулась полным ходом.

Между тем развиваемая в диссертации идея «*киберфизической безопасности* посредством комбинированного цифрового комплекса, состоящего из беспилотного летательного аппарата (БЛЛА) – дрона, несущего на себе программно-аппаратное оборудование, когда возможно использовать такого рода устройство благодаря встроенной программе УПФ (уголовно-правового фильтра – С.М.) не просто для выявления правонарушения, но и в соответствии с программным алгоритмом, ... заданным ему ... правоприменителем, на обнаружение, преследование и задержание преступников, нахождения жертв криминальных посягательств и пр.» (с. 182) вполне применима для реализации в ходе боевых действий, а равно в ближнем и дальнем тылу противника, поскольку хорошо известно какое множество преступлений совершают члены вооруженных пронацистских формирований на Украине. Сотрудники Следственного комитета РФ уже возбудили сотни уголовных дел на этот счет. Однако сбор улик и задержание преступников зачастую чрезвычайно затруднен и опасен для жизни следователей и оперработников. Переложить же этот риск, насколько это возможно, на роботов будет вполне уместно.

Помимо этого, России постоянно приходится отбивать (и, увы, не всегда успешно) кибератаки на ее военную и гражданскую инфраструктуру и противостоять мощному потоку русофобской пропаганды, направленной на дискредитацию руководства страны, ее Вооруженных сил, искажение ее древней и новой истории. В отражении этой информационной агрессии идеи автора могли бы сыграть важную профилактическую роль.

3. По тексту диссертации отчетливо видно, что ее автор старается быть объективным и не доверять расхожим, но не всегда достоверным суждениям о современной уголовной политике. Однако это удается ему не всегда.

Так, вслед за некоторыми либерально ангажированными правоведами и криминологами, он утверждает, что «Уголовный кодекс РФ, имеющий в своем составе... чрезмерно высокие планки наказаний, ... этим провоцирует судей на назначение максимально возможного срока» (с. 176).

На самом же деле, российские суды проводят неоправданно *мягкую* линию в отношении опасных и особо опасных преступников (прежде всего экономических хищников и сверхкрупных коррупционеров), чем в немалой степени раздражают широкие слои законопослушного населения. И уголовный законодатель отнюдь не препятствует этому «милосердию» за чужой счет. Скажем, хищение на десятки, сотни и даже миллиарды долларов по нашему закону не может быть наказано строже 10 (!) лет лишения свободы.

На этом фоне резко выделяется жесткая уголовная репрессия в ряде зарубежных стран, прежде всего в США и Китае, о чем автор не может не знать, но умалчивает. Даже европейская юстиция, с которой и берет до сих пор пример постсоветская Россия, дает

впечатляющие примеры своей репрессивности. Так, 7 февраля 2013 г. телеканал Sky News в прямой трансляции из зала суда сообщил, что лондонский суд приговорил экс-офицера полиции Дэвида Кэррика к 36 (!) пожизненным срокам лишения свободы за 24 случая изнасилования. Чтобы вновь оказаться на свободе, Кэррику придется отбыть за решеткой 39 лет и 329 дней. Спрашивается, найдется ли в России хоть один судья, способный вынести подобный приговор? Даже если найдется, то ему не даст это сделать Уголовный кодекс РФ. Максимальный срок лишения свободы подобного преступника вряд ли превысит 12–15 лет с возможностью гораздо более быстрого досрочного освобождения.

Столь же скептически мы относимся и к воспроизведенному в диссертации заявлению бывшего главы Google Эрика Шмидта, в соответствии с которым «от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 Экзобайт (5 млрд ГБ) информации. Теперь человечество создает столько данных всего за 2 дня» (с. 254).

В своем большинстве эти гигантские величины свидетельствуют лишь о катастрофическом разбухании информационного мусора, который отнюдь не способствует, а лишь мешает эффективному решению насущных проблем, стоящих перед человечеством. За прошедшие без малого четверть нынешнего века оно беспомощно топчется в продвижении амбициозных экономических, продовольственных, транспортных, экологических программ, освоении космического пространства. Полная несостоятельность мировой медицины проявилась в период пандемии COVID-19, лечении сердечно-сосудистых, онкологических и иных широко распространяемых заболеваний.

Хорошо ощущается бесплодность этих гигантских объемов информации в среднем и высшем (в том числе юридическом) образовании. Большинство современных учащихся и студентов не обладают элементарными познаниями в сфере истории, географии, литературы, искусства, да и той же информатики (кроме лихорадочного «общения» с мобильником и компьютером ради пустого времяпрепровождения).

4. Соискатель уделяет весьма большое внимание международно-правовому обеспечению кибербезопасности и сотрудничеству с зарубежными странами, прежде всего входящими в ЕС в сфере информационно-коммуникационных технологий (с. 266–274). При этом совершенно не учитывается кардинальное изменение отношений не только с США, другими странами-членами НАТО, но и с их сателлитами на других континентах (Япония, Австралия, Новая Зеландия и др.) после начала СВО.

Так, 25 января 2022 г. Совет Европы приостановил членство России в этой организации. 15 марта наша страна начала процесс выхода из нее. Однако уже на следующий день Кабинет министров ЕС принял решение о немедленном исключении России. 17 января 2023 г. Президент РФ внес в Госдуму законопроект о прекращении действия международных договоров между Россией и Советом Европы с денонсацией ранее подписанной Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Однако разрывом конвенциональных отношений с Европой дело отнюдь не ограничивается. Не обладающие должной правосубъектностью, европейские страны под давлением США развернули против нашей страны настоящую информационную войну, в ходе которой подстрекают изрядной численностью «пятую колонну» внутри страны вкупе с бежавшими из нее оппозиционерами привести Россию к военному поражению, созданию хаоса по лекалам «цветных» революций и расчленению на множество марионеточных квазигосударственных образований, глубоко враждебных друг к другу. Одновременно идет перманентное информационное удушение России, отключение её от критически важных киберресурсов в вышеобозначенных целях.

Все это не может не сказываться на осложнении криминологической обстановки с стране, обострении прежних угроз ее суверенитету, экономической и финансовой устойчивости и создает новые вызовы, которые, по нашему убеждению, должны быть в центре внимания отечественных криминологов и правоведов.

5. Как уже отмечалось в начале отзыва, анализируемое исследование базируется на

солидной правовой базе. Однако в ней имеются некоторые пробелы.

Как и многие другие авторы кандидатских и докторских диссертаций, монографий, учебников и научных статей, автор игнорирует официально принятую транскрипцию нумерации вновь вводимых в УК и УПК РФ статей и их частей в виде степени числа (см. с. 144–147, 150–152, 158, 167, 250, 363 и др.). Формально-юридически (а для правоведа это отнюдь не пустячный момент) получается, что диссертант оперирует нормами, которые *отсутствуют* в действующим Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах!

Обычно этот юридино-технический брак объясняют тем, что на компьютере якобы невозможно воспроизвести упомянутую транскрипцию и ссылаются на широко используемые учеными, педагогами и практиками системы «Кодекс» и «Гарант». На самом же деле это не соответствует действительности, а лишь указывает на издержки безудержной «цифровизации» законодательных и иных нормативных источников, о которой много говорится в анализируемом тексте.

Далее на стр. 199 диссертант обращается к УК Республики Казахстан 1998 г., в котором он насчитал не менее 29-и норм, связанных с ИТК-сферой. При этом автор не оговаривает тот факт, что данный кодекс уже давно утратил силу. В то же время он использует действующий УПК Казахстана от 4 июля 2014 г. (с. 332, 437).

По непонятной причине в списке использованных источников не нашлось места действующим УК и УПК РФ, хотя автор счел необходимым поместить в него Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (с. 429). Другие федеральные законы даются без указания на источник опубликования и без сведений о внесенных в них изменениях и дополнениях. Это тоже наглядно показывает, что само по себе обладание доступом к информационно-справочным ресурсам отнюдь не гарантирует должного юридино-технического качества научного текста.

Как видно из содержания каждого из отмеченных недостатков в отдельности и их совокупности, они не могут существенно снизить научно-теоретическую и практическую ценность настоящего исследования и не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий» является самостоятельно выполненным монографическим исследованием, которое можно считать научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых является серьезным научным достижением, имеющим важное практическое значение для обеспечения криминологической безопасности в информационно-коммуникационной сфере и тем самым соответствующее требованиям пункт 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013 г. № 842 в редакции от 26. 01. 2023 г., а ее автор – автор Джафарли Вугар Фуад оглы заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

С.Ф. Милюков,
*профессор кафедры уголовного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», доктор юридических наук
(специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки), профессор*